

Государственная
Библиотека
СССР
ул. Э. В. Ильина
п 798-62

Мр
26328

№ 14-й.
1910 г.

8 апрѣля.
Четвергъ.

ПРИБЪВЛЕНІЕ КЪ ГАЗЕТЪ "МОСКОВСКІЙ ЛИСТОКЪ"

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

Изданія 52-й годъ.

— Вы такъ на меня смотрите, что принимаете, кажется, за этуаль!..
— То-есть, въ переводѣ на русскій языкъ—за „звѣзду“?.. О, пѣть, сударыня!.. Я хотя не астрономъ, а юристъ, но такой ошибки сдѣлать не могу!..

— Идетъ ко мнѣ эта шляпа?

— Очень, но жаль, что такая хорошенькая въ этой шляпѣ идетъ, а не ѣдетъ въ собственномъ ландо!..

НЕ БЫЛО ПАПИРОСЪ...

(Разсказъ).

... Не было папирозъ, ну, съ того и началось это самое событие... Весь постъ, знаете, воздерживался, какъ быть слѣдуетъ... То-есть, конечно, маленькія этакія „игры“ бывали, но особеннаго рѣшительно ничего, а папримѣръ, на четвертой недѣлѣ поста такъ даже и не вкушалъ я ничего, то-есть никакихъ спиртуозныхъ напитковъ; даже до такого воздержанія дошелъ, что и пива не пилъ. Отъ жены сжедневю и даже ежечасно одобреніе получалъ, въ примѣръ меня прочимъ мужчинамъ ставила. „Вотъ,—говорить,—Аристархъ Саввичъ мой всѣмъ мужчинамъ на удивленіе, замѣчательно примѣрною жизни человѣкъ!“.. Ну, такъ все и шло вотъ до вторника... Пообѣдалъ я въ этотъ день дома; пообѣдалъ, надо правду сказать, какъ слѣдуетъ,—сытно, хорошо, но ѣлъ лишь рыбное и не токмо что до мясного, а даже и до молочнаго не прикасался... Вотъвишь приготовила жена изъ бѣлорыбицы съ балычкомъ, потомъ кулебяка была рыбная, потомъ поѣли осетринки „по-американски“, корюшку жареную ѣли, компотцемъ все это загладили, а передъ обѣдомъ я выпилъ единую рюмочку домашней настойки для подкрѣпленія силъ, причѣмъ эта домашняя настойка очень даже напитокъ пѣкный, можно сказать—дамскій напитокъ... Ну, поспалъ послѣ обѣда, а къ вечернему чаю Елизаръ Осиповичъ Брюквинъ пріѣхалъ. Попили чайку съ нимъ. Я-было говорю, что не худо-де, Елизавета, коньячку къ чаю-то, а онъ даже руками замахалъ.

— Какой-же,—говорить,—коньякъ, ежели Великій постъ?.. Не полагается,—говорить,—коньяку, надо себя маленько ограничивать и вотъ вареньицемъ малиновымъ удовлетвориться...

Ну, вареньицемъ малиновымъ и удовлетворились. Попили чайку и сѣли въ винтъ играть. Жена сѣла съ нами да свояченица Аннушка. Сперва-было наши дамы не хотѣли ради поста въ карты играть, но мы уговорили, объяснивъ, что это игра не азартная, а только такъ, для препровожденія времени... Винтъ,

знаете, игра увлекательная, ну, и позаигрались мы. Хоша играли и безъ интереса, на записъ, но тѣмъ не менѣе кнпятились, купоросились и не замѣтили, какъ время прошло. Вдругъ оказывается, часу этакъ въ десятомъ, что папирозъ у насъ нѣтъ. Елизаръ-то Брюквинъ еще раньше свои выкурилъ и моими довольствовался, ну, а за картами, какъ вамъ извѣстно, курится много, вотъ мы и дымили себѣ... Какъ-бы то ни было, а только въ десятомъ часу у насъ полное безнапирозіе оказалось, а курить хочется. Лавки и магазины въ это время заперты, но папирозъ можно купить въ ресторанахъ. Я и хотѣлъ-было парня въ „Петергофъ“ послать, чтобы взялъ сотню какихъ-нибудь папирозочекъ.

— Пожалуй, не продадутъ, ежели парня послать,—говорить Елизаръ.—Играть ужъ больше не стоитъ, хочется кусочекъ чего-нибудь скушать, а дома ради поста плитку разводить да всякія закуски устраивать не стоитъ, и не лучше-ли намъ съ тобою, Аришаша, самимъ въ ресторанахъ-то пойтить?.. Съѣдимъ тамъ порцію селяночки, можетъ, чайку попьемъ и папирозами раздобудемся...

Жена-было начала говорить, что и дома можно селянку соорудить, что идти ночью въ ресторанахъ не стоитъ, что парню съ записочкою папирозъ отпустить, но мы, между прочимъ, этому воспротивились, главнымъ образомъ потому, что маленько засидѣлись въ горницѣ-то,—жарко, знаете, душно, накурено, ну, и ноги отъ долгаго сидѣнья отекали, вотъ мы и подумали немножко поразмяться... Ну, и размялись...

У жены даже какъ-будто-бы предчувствіе какое-то было: вышла это провожать меня въ прихожую и съ самымъ меланхолическимъ видомъ смотритъ на меня, пока я пальто надѣваю.

— Что,—говорю,—супруга любезная, ты на меня съ такимъ печальнымъ видомъ смотришь?..

Вздохнула.

— Такъ,—говорить,—ничего... Послала-бы лучше за папирозками Ваньку, сбѣгала-бы онъ, принесъ-бы вамъ папирозъ, а я-бы приказала селяночку сѣлать, закусить-бы вамъ чего-нибудь соленьяго дала...

— Вы, моя милая, назначили здѣсь, въ пассажѣ, свиданіе моему мужу, но ваша записка попала ко мнѣ и сюда явилась я сама!

— Ахъ, это все равно, если только вы достаточно сильны для того, чтобы отнести мои покупки ко мнѣ домой!..

— Хорошо-бы тебя поставить пугаломъ у меня на огородѣ!..

— Почему-же только на огородѣ? Я могу быть пугаломъ на всей вашей улицѣ!..

— Соленькаго-то,—говорю,—въ ресторанахъ больше, выборъ тамъ значительный!..

Опять вздохнула, но уже ничего не сказала.

Вотъ и пришли.

Въ ресторанахъ, не взирая на Великій постъ, румынцы какіе-то, или итальянцы, или иные какіе чужеземцы на литаврахъ и на прочихъ инструментахъ играютъ, публики множество, „дамамъ цвѣты“, какъ это въ публикаціяхъ обозначено... Ну, нашли мы столікъ, сѣли и первымъ деломъ папирсъ спросили. Подалъ лакедронъ папирсъ и стоитъ передъ нами, на-маперъ того, какъ въ газетѣ вопросительный знакъ стоитъ.

— Что-же,—говорю,—селянику намъ, что-ли, съѣсть?

Елизаръ отвѣтилъ утвердительно, и я заказалъ селянику, а къ ней два растегайчика, подтвердивъ при этомъ, чтобы растегайчики были на горчичномъ маслѣ, а не на сливочномъ, какъ эти еретики ресторанные ради вкуса дѣлаютъ.

— Водку очищенную будете кунать или какую-нибудь другую?—спрашиваетъ лакедронъ.

— А почему-же ты полагаешь, что мы непременно должны водку пить?—говорю я.—Можетъ, у насъ никакого намѣренія на этотъ счетъ нѣтъ!..

Усмѣхается, а я посмотрѣлъ на Елизара и вижу, что Елизаръ такую физиономію неопредѣленную состроилъ,—ну, и велѣлъ подать небольшой графинчикъ съ закускою.

Выпили небольшой графинчикъ, потомъ спросили еще небольшой, а потомъ ужъ намъ захотѣлось большого, тѣмъ болѣе, что распорядитель подошелъ и, какъ лѣкій бѣсъ-искуситель, сообщилъ, что „лососина особенная“ въ этотъ день получена.

Ну, ежели лососина особенная, такъ надо ужъ непременно и выпить особенно. Вотъ и выпили... Мы это выпиваемъ, а иноземцы все веселѣй и веселѣй играютъ. Сперва все изъ оперъ изъ какихъ-то накаливали, потомъ „Гайда, тройка“ ахнули, потомъ еще что-то веселое, ну, мы съ Елизаромъ и стали забывать, что пришли сюда за папирсами, что появились въ этомъ мѣстѣ изъ-за того только, что папирсъ у насъ не было, что теперь Великій постъ и даже—„недѣля Ваиі“, и того!..

Часу въ двѣнадцатомъ ужъ передъ нами вторая бутылка шампанскаго появилась, а Елизаръ лѣвымъ глазомъ въ бокалъ себѣ смотритъ, а правый наострилъ на какую-то блондинку, изъ тѣхъ самыхъ дамъ, которымъ вотъ цвѣты-то предназначаются... Смотритъ однимъ глазомъ на блондинку, и глазъ у него совсѣмъ не великопостный, даже и похожаго ничего нѣтъ на Вербуню недѣлю въ этомъ глазѣ, а блондинка сидитъ съ какимъ-то старичкомъ, который ужъ совсѣмъ разсыпается отъ глинтвейна.

— Душно, Аристапа!—говоритъ мнѣ Елизаръ.—Склоненіе воздуха здѣсь, голова что-то болитъ. Не поѣхать-ли намъ немножко променажъ сдѣлать?

— Да,—говорю,—пора дѣйствительно домой!..

Ну, приказали счетъ подать, заплатили и пошли. Пошли, а Елизаръ остановился передъ дамой съ цвѣтами да и говорить ей:

— Папаша вашу ослабли, спать имъ хочется, а вы, по всѣмъ видимостямъ, почивать еще не желаете, такъ не угодно-ли вамъ немножко освѣжиться?

— Угодно,—дама съ цвѣтами отвѣчаетъ.

„Папаша“ ея забормоталъ что-то, но поги у него ужъ изъ повиненія ваши, такъ онъ тутъ на своемъ мѣстѣ и остался, а мы вышли, взяли парочку „голубковъ“ да и айда за городъ. „Яръ“ теперь по случаю перестройки закрыть, такъ мы въ „Стрѣльну“... Ъхали мы собственно кофейку попить, но, пріѣхавши, о кофеѣ какъ-то позабыли, а спросили опять шампанскаго, коего и выпили ровно полдюжины!..

Воздухъ, конечно.—вещь полезительная, но все-же полдюжины шампанскаго—марка и для привычнаго человѣка крѣпкая, особенно на старья-то дрожжи, ну, мы и ошиблись немножко, такъ что я вернулся домой въ шестомъ часу утра и очень ужъ пехорошимъ, а что касается Елизара Брюквина, такъ онъ, кажется, и по сей день домой еще не явился, однако, по наведеннымъ справкамъ, живъ и здоровъ, но только загулъ свой продолжаетъ!..

Такъ вотъ, господа хорошие, какое можетъ событіе случиться, ежели, напримѣръ, дома въ ночное время папирсъ нѣтъ!..

Записки сумасшедшаго.

*Мѣсяца разлитія рѣкъ и грязе-
мѣшанія.*

** Дума купила землю Ноева.

Ну, и слава Богу, давно поѣхала, наконецъ, сторговалась. Теперь возникъ вопросъ: какъ назвать эту землю?

Мы, сумасшедшіе, думали, что разъ земля отъ Ноева перешла къ городу, то она, само собою разумѣется, и называться должна городской,—такъ иѣтъ.

Кто-то хотѣлъ назвать ее землею Ноева, другіе воспротивились:

— Зачѣмъ городъ обезсмертитъ Ноева?

Разыскали, что земля принадлежала Мамонову.

— Назвать ее Мамоновскою,—предложили гласные.

Ѣмъ и пью, что захочу,
Номеръ даромъ занимаю,
Ни за что я не плачу,
Кулакомъ лишь угрожаю.

Эти свои „принципы“ онъ на-дняхъ использовалъ въ отелѣ „Княжій Дворъ“.

Одѣвается онъ, какъ „гоголевская гарнiza“: надѣнетъ бурку, а подъ буркой ничего иѣтъ...

Да, хорошо быть силачомъ!

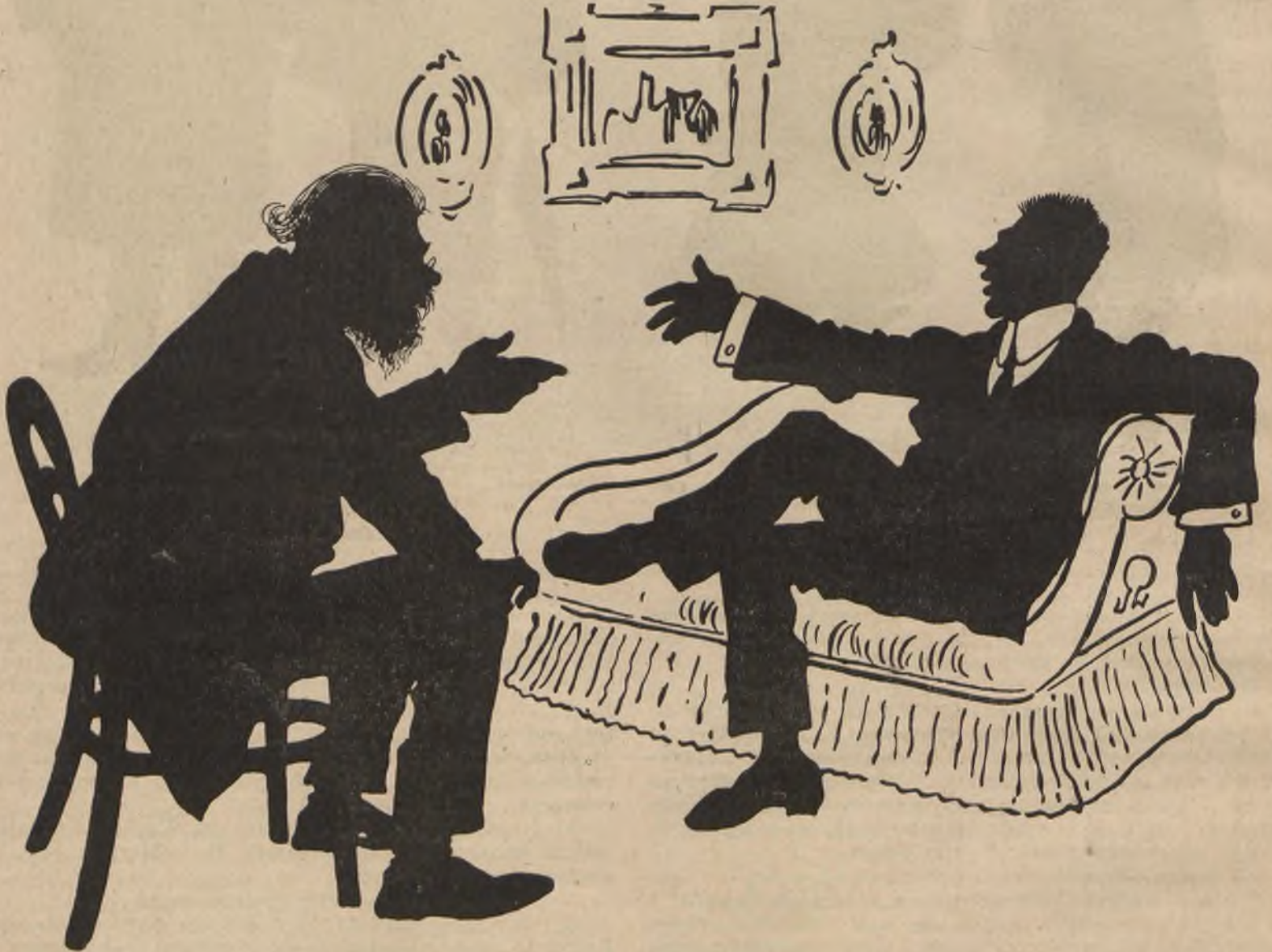
** Каждый день ходили на набережную Москвы-рѣки любоваться прелестью возвышенія воды.

Спираниваемъ одного, кажется, матроса:

— А что, скажите, паводненіе не ожидается?..

— А для ча... Можетъ, и ожидается... Нешто это наше дѣло, про то начальству извѣстно...

— А по вашимъ наблюденіямъ?

— Взгляните въ окно, папаша, и скажите—можно-ли ѣхать на вербное гулянье на такихъ клячахъ?

— Взгляни, сынокъ, на себя въ зеркало и скажи, — можно-ли съ твоею рожею, послѣ недѣльнаго пьянства, показать себя на этомъ гуляньи?..

Но оказалось, что раньше она принадлежала Демидовымъ и слѣдуетъ ее назвать Демидовскою.

Рѣшили передать вопросъ о названіи земли въ комиссію о пользахъ и нуждахъ общественныхъ, хотя, откровенно сказать, обществу иѣтъ въ наименованіи ни нужды, ни пользы. Только отвлекаютъ комиссію отъ настоящаго дѣла.

По нашему мнѣнію, вопросъ о наименованіи земли слѣдовало передать въ трамвайную комиссію, которая своимъ прямымъ дѣломъ занимается мало и всегда найдетъ время для придумыванія землѣ наименованія.

Мы думаемъ назвать землю просто Божьей землей.

** А хорошо быть силачомъ, можно пить и ѣсть даромъ и за номѣненіе не платить.

Такъ это и практикуетъ силачъ Фоссъ.

У него даже, какъ намъ говорили, для отвѣта и четверостишіе имѣется:

— Да вѣдь кто ее, эту рѣку, знаетъ?.. Какой у нея насупротивъ Москвы можетъ быть, къ примѣру, замысль?.. Захочетъ—зальетъ Москву, не захочетъ—не зальетъ Москвы.

Нашъ собесѣдникъ рѣшительно рѣку Москву за пѣвицу Вяльцеву принимаетъ:

Захочу—полюблю,
Захочу—погублю.

Купца спросили:

— А какъ вы думаете: зальетъ или не зальетъ?

— А мнѣ,—говорить,—что думать? Я звона гдѣ, на Микольской живу, туда не подойдетъ. Думать надо въ Замоскворѣчьѣ, въ Дорогомиловѣ, а намъ что думать,—пуцай заливаешь...

— А сколько горя-то...

— Такъ что-жь что горя?.. Безъ горя нешто проживешь... Опять-же кому горе, а кому зрѣлище.

Мы отошли от господина купца, любящего наводнение, как зрелище.

Подшли къ мастеровому. Тоже торчит на набережной.

— Вы,—спрашиваемъ,—что-же, наводнения ждете?..

— Нѣтъ, мы сапожники будемъ, намъ не для чего наводнения ждать, а ждемъ мы тутъ одного чиновника,—здѣсь они, значить, домой ходять,—такъ перехватить ихъ и мало-малю постыдить, потому какъ второй годъ пять рублей за сапоги не платятъ...

— А мы думали, что вы за возвышеніемъ воды наблюдаете, потому все въ воду смотрите...

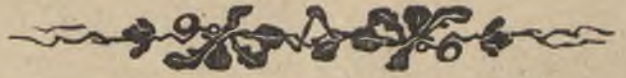
— Въ воду мы потому посмотримъ, что нонѣ заказчикъ жуликъ пошелъ,—дастъ за заказъ задатокъ, а потомъ, заказъ получивъ, уплату подождать попроситъ—и ау!.. Инци-свици. Вотъ и смотримъ въ воду, потому въ воду головой по нырѣннымъ временамъ самое разлюбезное дѣло...

Такъ ни отъ кого и не добились свѣдѣній: будетъ наводнение или не будетъ.

** Слышали новыя пословицы:

- 1) Рыба совсѣмъ ушла, а человекъ ищетъ, гдѣ глубже.
- 2) Ныпче и за битаго—ничего не даютъ.
- 3) Потеряй голосъ—въ казенную оперу возьмутъ.
- 4) Семь разъ подумай, а потомъ уже въ трамвай сядь.
- 5) Въ кухмистерской и за двумя зайцами погонишься,—все равно, кошку съѣшь.
- 6) Отъ постнаго сахара святъ не будешь.
- 7) Дядѣ, не оставляющему наслѣдства, и умирать не зачѣмъ.

Поприщинъ № 2-Б.

— Если-бъ я былъ вашимъ мужемъ, я не оставлялъ-бы васъ съ мужчинами одну.
— Да вѣдь онъ и не оставляетъ, если представляется опасность...

** Въ газетахъ читаемъ, что желѣзнодорожныя хищенія не только не уменьшаются, а увеличиваются, и частныя ревизіи не помогаютъ.

Нашъ поэтъ Лафетъ сказалъ:

Со всѣхъ сторонъ явились ревизоры, *)
Причемъ дорогъ желѣзныхъ воровъ
Накрыты были... Думали: конецъ!
Но, мой Творецъ!

Вдругъ кражи вновь возобновились
И чуть-ли не учетверились.

Что-жъ тутъ сказать на это вамъ?
Одно: „что возъ и пилѣ тамъ“.

Что-то не хватаетъ.

Племянникъ сидитъ съ дядей.

— Что ты такъ задумчивъ, Володя?..

— Ахъ, дядя, я самъ не знаю!.. Какое-то странное настроеніе. Я именно въ томъ тревожномъ состояніи, когда ощущаешь, что тебѣ чего-то не хватаетъ... И сердце, и умъ томится... Думаешь и не понимаешь... Чувствуешь отсутствіе полноты... Ну, не хватаетъ чего-то, не хватаетъ...

Дядя достаетъ двадцатипятирублевку.

— Ну, на, пережѣви свое настроеніе... Теперь хватаетъ?

— Не совсѣмъ: хорошо-бы еще десять, потому что портному надо заплатить тридцать пять рублей.

Зайчикъ.

*) Ревизоры отъ министерства путей сообщенія.

— Какія у васъ большія и крѣпкія руки, вы должно-быть очень сильны...

— Да, порядочно, но не столько, чтобы бесплатно жить и ѣсть по гостиницамъ, какъ Фоссъ...

ВЕРБЫ.

(Картинка).

Сегодня четвергъ Вербной недѣли.

Съ этого дня на Красной площади не только ужь начинаютъ строить палатки для традиціоннаго вербнаго гулянья, но уже даже и „загуливаютъ“, такъ какъ самые предприимчивые торговцы постарались соорудить свои палатки, лари и столики съ ранняго утра сегодняшняго дня, затѣмъ разложили товары, и на эти товары полетятъ, какъ мухи на медъ, падкіе на все новенькое москвичи.

Новенькаго-то, собственно говоря, на вербномъ базарѣ, какъ и на грибномъ рынкѣ, ничего не бываетъ, и продаютъ тамъ рѣшительно все то-же, что можно купить во всякое время года, но таковъ ужь обычай, что нѣкоторыя вещи для домашняго обихода и для забавы надо покупать на вербномъ базарѣ, и вотъ обыватели будутъ стекаться на этотъ базаръ со всѣхъ сторонъ необъятной Москвы, не взирая ни на какую погоду.

Къ вербному базару начинаютъ готовиться за недѣлю, а то такъ и за двѣ, такъ какъ это не только базаръ, а еще и до нѣкоторой степени „выставка невѣстъ“.

Очень давно установилось правило среди замоскворѣцкаго купечества показывать въ дни вербнаго базара созрѣвшихъ для выхода замужъ дѣвицъ, и вотъ ихъ вывозятъ на вербный базаръ, стараясь, конечно, показать на этомъ базарѣ барышень съ самой выгодной стороны и во всемъ блескѣ дѣвичьей красоты, во всемъ блескѣ самыхъ наилучшихъ и модныхъ нарядовъ.

Московскіе женихи, молодые и немолодые, богатые и небогатые, выгодные и невыгодные, до самыхъ „безнадежныхъ“ включительно, знаютъ это и идутъ на вербный базаръ не для того, чтобы покупать вербы, не для того, чтобы лакомиться тульскими и вяземскими пряниками и пріобрѣтать „морскихъ жителей“, а именно для того, чтобы какъ-нибудь подцѣпить себѣ невѣсту.

Невѣсты, ожидая этого, готовятъ кѣ вербному базару долго, тщательно и разнообразно.

Вотъ купеческій домъ средней руки и старыхъ завѣтовъ.

Вторникъ Вербной недѣли.

— Вотъ и Вербная недѣля пришла, и въ субботу да въ воскресенье вербное гулянье будетъ,—говоритъ мамаша, взглянувъ на свою созрѣвшую для бракосочетанія дочку.

Дочка, какъ полагается въ такихъ случаяхъ, краснѣетъ и потупляетъ глазки.

— Да, матушка Аграфена Егоровна,—обращается къ мамашѣ пришедшая въ гости сваха, которая все еще водятся въ Москвѣ и будутъ водиться еще очень долго.—Да, матушка, да, пройдетъ три, четыре денечка, и надо вамъ Вѣруню на-показъ везти...

— Охъ, надо, Даниловна, надо!.. Вотъ вторыя вербы будемъ ес показывать, ужь не знаю, что-то будетъ... Въ прошлыя вербы показывали, да ничего что-то не вышло...

— И не могло выйти, ежели вы и на шляпку, и на кофточку денегъ пожалѣли, — замѣчаетъ дочка. — Можетъ-быть, изъ всѣхъ барышень, которыя тамъ были, и была одѣта всѣхъ хуже, ну, понятное дѣло, никто и не обратилъ на меня никакого вниманія...

— Охъ, не грѣши, Вѣрунюшка, не грѣши, милая!—обращается къ ней сваха.—Мамашенька тебя и въ прошломъ году разодрала, какъ куколку, а только у тебя въ прошломъ году угри на личикѣ разыгрались, ну, изъ-за угрей ты и ифекта не имѣла...

— И все ты врешь!.. На мнѣ вуаль была, и никакихъ даже угрей никто не замѣтилъ...

— Ань, вотъ и замѣтили!.. Охъ, Вѣруня, пронцательный на-

— Не лучше-ли взять лихача, чѣмъ ждаты среди улицы трамвая, Вѣра Павловна?

— Ахъ, ифть!.. Московскій трамвай часто лишаетъ жизни, ну, а поѣздка на лихачѣ угрожаетъ не только жизни, но еще и чести...

— Не фальшивыя-ли деньги наша барышня дѣлаетъ, Матренушка, что все запершиесь сидить?
— Фальшь есть, Дарюшка, а только не по денежной части,—брови себѣ подводить, полноту дѣлаетъ и зубы вставляють...

родъ женихи-то, глазаые они, все видять!.. Мнѣ въ прошломъ году Яковъ Пльичъ Книжечкинъ прямо такъ и сказалъ: „Вѣрочка,—говорить,—Косачева—очень хорошенькая барышня и одѣта премо, во угорь ее портить“... Вотъ что мнѣ кавалеръ хорошій сказалъ, да и другіе то-же говорили... Нѣтъ, милушка, ты насчетъ тувалетовъ не грѣши, а вотъ кушай въ эти дни поменьше и особенно жирнаго избѣгай да прянаго, да и сладкаго надо поменьше вкушать... Нутка, покажи мнѣ личико-то, подойди-ка къ свѣту, вотъ сюда... Ничего,—самое вербное личико, какъ разъ для гулянья, и ежели я нонѣ тебя не продамъ, такъ пусть маменька мнѣ въ рожу наплюетъ. Покажи-ка зубки...

— Это еще зачѣмъ?.. Что я лошадь, что-ли?..

— Не лошадь ты, а барышня, а зубки все-таки ты мнѣ покажи...

— Да будетъ тебѣ и въ самомъ-то дѣлѣ, Даниловна!—обращается къ свахѣ мамаша.—Ужли ей въ зубы будутъ на гуляньѣ-то на вербномъ смотрѣть?..

— Смотрѣть не будутъ, да сама она зубки свои покажетъ, какъ засмѣется, анъ женихи-то каждый изьянъ и замѣтятъ... Ты ужь мнѣ, мать, не возражай, я ужь свое дѣло знаю!.. Покажи, Вѣрочка, покажи, не скисняйся... Зубки хорошіе, на отличку зубки... Нутка, улыбнись теперь...

Барышня улыбається.

— Вотъ шире этого и не улыбайся, а то наемдн заржала на

что-то, и задніе зубы видны были, а задніе-то зубы у тебя отъ конфетовъ черные, ну, женихи и могутъ забраковать изъ-за этого...

И барышня будетъ до самаго дня вербнаго базара „дѣлать репетиціи“,—она будетъ принимать передъ зеркаломъ самыя разнообразныя позы, будетъ дѣлать улыбки, будетъ дѣлать изящныя поклоны и въ эти три-четыре дня дойдетъ въ этой области до совершенства, а тамъ отправится „на вербы“ и, быть-можетъ, въ этомъ году не только купитъ тамъ пучокъ разукрашенныхъ вербъ, не только коробку тульскихъ пряниковъ, не только „морского жителя“, а и приобрѣтетъ еще какого-нибудь замоскворѣцкаго жителя...

Комарь.

ВЫХОДЪ

— Такъ какъ-же, Польша, у Берсидѣвыхъ на Святой костюмированной вечерь...

— Глупости они затѣяли. На Святой недѣлѣ—Святки.

— Однако все пойдуть. Что-же я надѣну? Вѣдь ужь пятая недѣля, надо шить...

— Сочти предпраздничные расходы и подумай, что я могу дать тебѣ на платье...

— Тогда знаешь что, Польша,—я пойду въ костюмѣ нищей, а на сумѣ нашишу: „ограблена нищенками“.

— 0 —

„ШАНТЕКЛЕРЪ“.

— Послушайте, кума, надо-бы намъ въ общество пскровительства животныхъ жаловаться, за что это насъ такъ коверкаютъ на сценѣ...

Понятно безъ словъ.

Роскошной дамѣ полусвѣта представляютъ купеческаго нижона. Онъ потерянъ.

— Что съ вами?

— Виновать... Я всегда теряюсь передъ женщинами, особенно...

— Красивыми? Удивляюсь... У васъ фабрика, у васъ два дома, у васъ складъ, у васъ милліонный капиталъ, и вы вдругъ теряетесь! По-моему, вамъ и говорить нечего, васъ любая красавица нашего круга безъ словъ пойметъ.

Грибъ.

Критики.

— Что скажете относительно нашей восходящей звѣзды шанпста Форте-рояльскаго? Какъ онъ сыгралъ „Океанъ“ Рубинштейна? Я такъ забылся, что воображалъ себя подъ эти звуки въ самомъ дѣлѣ плывущимъ на океанскомъ пароходѣ...

— Замѣчательно! А у меня даже чуть-чуть не началась морская болѣзнь...

Колокольчикъ.

Изданіе Т-ва Н. И. Пастухова.
Редакторъ Ф. И. Ивановъ.

ФОТО-ЦИНКОГРАФІЯ

Т-ва Н. И. Пастухова.

Принимаются заказы на всякаго рода фото-цинкографическія работы, исполняются клише для объявленій и прейсъ-курантовъ. Съ заказами обращаться къ типографію „Московского Листка“ Ваганьковскій переулокъ Т-ва Н. И. Пастухова.

ЗУБНЫЯ КАПЛИ

провизора А. СТЕПАНОВА
МОМЕНТАЛЬНО УСПОКАИВАЮТЪ ЗУБНУЮ БОЛЬ.
Продажа вездѣ. Цѣна 1/2 фл. 30 к. 1 фл. 50 к.
Обращать вниманіе на стеклянную надпись на флаконѣ „Зубныя капли провизора А. Степанова“ и собственноручную подпись на этикетѣ коробки. Гл. сид. Москва, Тихвинская, апт. магаз. А. Степанова.

8749,10

РАДУЙТЕСЬ!

Мозолей нѣтъ!!!

Уничтожаются быстро съ корнемъ „Феррол“ пр-ра Макаренчича, Ц. 35 к. Продажа педаг. скл. П. Виноградова, Москва, Рождественка,

ЛУЧШЕЕ МУЖСКОЕ ПЛАТЬЕ

готовое и по заказу, подлага покроя.
Торговый домъ

В. Заглухинскій и С^н.

Тверская, близъ Газетнаго,
ПРЕЙСЪ - КУРАНТЫ
по требованію бесплатно.

А.Р. 72,10

Дамское и мужское платье

готовое и на заказъ.

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ.

Бр. Н. и Т. Пьтуховы и Сынъ.

Москва, Ильинка—Тверская.